

- - [О христианском воспитании детей](#)
    - [Введение](#)
    - [I. Христианское воспитание в младенческий период](#)
    - [II. Христианское воспитание в школьный период](#)
- [Примечания](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [*](#)
  - [—](#)

Введение

Содержание

Нет, кажется, вопроса более насущного и жизненного, более назревшего и наболевшего, как вопрос о воспитании детей. В самом деле, в нем — залог семейного счастья, в нем — основа благополучия общества, в нем — крепость народов, в нем — краса и счастье жизни, но, как это ни странно, в нем же и возможный источник великих несчастий, омрачающих жизнь человека. Так велик и важен этот вопрос.

При всем том ни один вопрос не обходился всегда обществом с таким невниманием и пренебрежением, как опять вопрос о воспитании.

Современные интеллигентные люди без конца готовы интересоваться и спорить о формах правления, об устоях общественной жизни, о разных философских и литературных течениях — только не о семье и воспитании детей. Объясняется это отчасти тем, что дело воспитания — не видное и скромное, между тем требует серьезного труда, самоотвержения и даже подвига; современный же человек готов все допустить и со всем помириться, только не с самоотвержением и подвигом, ибо смотрит на жизнь с точки зрения удовольствия.

Не интересуясь воспитанием и не понимая его, современные родители отдают своих детей на попечение мамок, нянек и разных гувернеров, в лучшем случае оставляя за собой лишь самый общий присмотр и общие указания. Положение — ненормальное: в самом деле, может ли посторонний человек, даже добрый и порядочный, заменить ребенку мать? Ведь ребенок — плоть от плоти и кость от кости матери; его душа — как бы часть души матери, и нет той силы, которая могла бы сравниться с силой матери по влиянию на ребенка. Отдавать духовное воспитание ребенка в чужие руки — значит отказываться от своего ребенка.

В школьный период родители, кажется, еще меньше заботятся о детях: тут вся ответственность слагается ими уже на школу, и ее обычно винят во всех умственных и нравственных недочетах детей. Приговор — строгий и несправедливый. Потому несправедливый, что главная основа характера, все добрые задатки должны быть привиты ребенку еще с детства, до школы: ибо никакая школа, даже самая идеальная, не сделает того, что в свое время упустили сделать родители, тем более не исправит того, в чем в свое время погрешили родители. Потому и апостол Павел заповедует отцам воспитывать детей своих «в учении и наставлении Господнем» ([Еф.6:4](#)) — а не учителям и учительницам.

Душа малого ребенка — это как бы воск, еще не имеющий определенной формы. Родители и дают ему первую форму, и душа ребенка к 6—8 годам в ней уже затвердевает, т.е. к этому времени ребенок получает известный характер, известные и определенные привычки, изменить которые в школьном возрасте бывает нелегко, а совершенно заменить другими — почти и невозможно. Когда скульптор из расплавленной массы металла делает какую-либо статую, он может придать ей всякие формы, пока не застыла масса; но затвердела масса — и скульптор уже бессилён: он может сделать весьма немногое. Сравнение это вполне приложимо к душе ребенка и ее первому развитию.

Итак, воспитание ребенка есть, прежде всего, дело родителей, а не мамок и нянек и не школы, ибо никакая бонна не может ребенку заменить мать, и никакая школа не сделает то, что может и должна сделать семья.

В забвении этой истины — первое зло современного воспитания.

Далее, сами вопросы воспитания, к которым мы подходим, настолько разнообразны и сложны, что охватить их все в кратком очерке совершенно нет возможности. Так, различают воспитание физическое, умственное и нравственное, или религиозно-нравственное. О физическом воспитании в наш век заботятся, но опять как-то неудачно, в ущерб развитию души

и характера ребенка. Правильно или нет, но заботятся и об умственном развитии, давая его ребенку, главным образом, через посредство средней и высшей школы; совершенно не заботятся об одном, но самом главном воспитании — религиозно-нравственном, или христианском.

Думают, что достаточно окрестить ребенка и раз в год причастить его — вырастет он непременно христианином. Увы, этого весьма недостаточно. Разве не видим мы, как дети наши вырастают нерелигиозными — мало молятся Богу, не знают молитв, проявляют дурной нрав? В школе эти отрицательные качества развиваются далее и обращаются, под конец, в религиозное неверие и полную нравственную распущенность. Как узнать в таких детях христиан?

Не заботятся нынешние родители о душе ребенка и ее христианском возрастании. Они заботятся о его здоровье, об успехах в науках, о хороших манерах, о музыке, о знании иностранного языка — только не о душе. Конечно, и эти заботы — добрые; только из-за второстепенного и временного забывать главное и вечное все-таки нельзя: это непростительно, грешно и пагубно для детей. Отсутствие христианской цели при воспитании, ясно поставленной и выраженной, есть второе главное зло, корень бесчисленных бед для детей в жизни временной, а может быть, и вечной. Древние христиане поступали не так: они жили по заповеди Спасителя — «ищите прежде Царствия Божия... и это все приложится вам» ([Мф.6:33](#)), зато и была тогда высокая и счастливая семейная жизнь, были святыми и родители, и дети.

Христианское воспитание в том и состоит, чтобы уберечь от зла и греха душу ребенка, победить в ней задатки страстей и сделать ее храмом Божиим. Пусть, вырастая, ребенок будет сосудом благодати, чадом Божиим, радостью Ангелов, надеждой Церкви, утешением родителей.

Теперь и рассмотрим, как достичь этого при современных условиях жизни, каким образом возможно было бы и теперь дать христианское воспитание детям. Конечно, по самому характеру очерка мы обратим внимание только на самое главное и существенное, но родителям и воспитателям нетрудно будет добавить к нашим словам остальное.

I. Христианское воспитание в младенческий период

Возьмем жизнь ребенка от самой его колыбели. В деле воспитания, как мы сказали, младенческий возраст имеет почти решающее значение, и первые впечатления кладут на душу ребенка неизгладимую печать на всю жизнь.

Ребенок бывает, по слову Псалмопевца, в беззакониях зачат и во грехах рожден ([Пс.50:7](#)), т.е. от родителей своих он получает все обычные греховные задатки. Христианская жизнь начинается в нем, собственно, с момента крещения.

Благодать крещения производит в ребенке великую нравственную перемену: она совершенно обессиливает грех, перешедшей к нему по рождению, изгоняет его из главного средоточия душевной жизни — из сердца ребенка — и сама наполняет собою сердце, становясь в ребенке источником новой и святой жизни. Печать крещения настолько действительна, что совершенно изгладить ее не могут никакие грехи, и потому крещение не повторяется. Душа ребенка после крещения бывает воистину храмом Божиим.

Может ли грех приражаться к нему и в этот момент? К сожалению, может, хотя благодать и противодействует. Происходит это так: ребенок — живое существо и так или иначе, но чувствует на себе окружающую его атмосферу — и физическую, и нравственную; например, чувствует он телом, когда ему бывает холодно или душно, и тогда ребенок плачет; чувствует он и душой, добро его окружает или зло, и сообразно с этим или успокаивается духом и радуется, или, наоборот, скорбит. Особенно быстро передается ребенку настроение матери; а если даже взять и идеальную мать, то и у этой не всегда же бывает святое и доброе настроение? Может и у нее быть настроение обиды, раздражения, гордости и т.п. А так как вообще идеальных людей мало и современная обстановка в семье бывает часто сплетением всевозможных жизненных драм, калечащих жизнь супругов, то дыхание греха достигает ребенка скорее, чем это можно было бы думать, и ранит его душу; тогда и первородный грех, обессиленный благодатью, начинает как бы оживать, брать свою силу. Когда ребенок начнет немного понимать и сам замечать, что делается вокруг него, тогда грех приражается к нему еще более. Вот и долг родителей-христиан создать вокруг младенца возможно благочестивую обстановку и случающиеся после крещения приражения греха парализовать и побеждать новыми благодатными средствами.

Средства для борьбы с грехом известны, они те же, что и у взрослых: это — причащение Святых Христовых Тайн, молитва на дому и в церкви — с детьми и за детей. Особенно благотворно для детей частое причащение: оно дивным образом питает их душу и делает ее неприступной для вражеских сил. Замечено, что в день причащения дитя проявляет глубокий покой, чувствует ослабление болезненного состояния, если таковое было, иногда преисполняется радости и играния духа, и тогда готово бывает всякого обнимать и целовать. Нередко св.причащение сопровождалось и сопровождается и прямыми чудесными знаменами. Так известно, св. Андрей Критский в детстве долго не говорил; скорбные родители прибегали к благодатным средствам, и однажды во время причащения Господь разрешил его язык, после напоивший Церковь потоками сладкоречия и премудрости¹.

Благотворное влияние имеет на детей частое осенение их крестным знаменем, окропление св.водой, а главное — благочестивое настроение родителей. Благодатная атмосфера вокруг колыбели — это самое высшее благо, какое могут доставить детям родители, это сокровище, неизмеримо более ценное, чем все богатства мира.

Неблагоразумно поступают те родители, которые причащают детей 1—2 раза в год и редко водят их в храм на том основании, что дети мало понимают. Что касается до понимания, то и

взрослые не могут похвалиться большим пониманием не только религии, но и окружающего мира. Религия же постигается больше сердцем и чувством, — и у ребенка чувства и инстинктивного влечения к Богу гораздо больше, чем у взрослого: он не помрачен еще грехом, душа у него — ангельская. Лишать его храма и причастия так же неразумно и губительно, как неразумно и губительно было бы лишать его и воздуха на том основании, что ребенок плохо понимает, что такое воздух. Св. Тайны и храм Божий — это воздух для души.

С 3—4 лет у ребенка начинает развиваться и мышление; он не только тогда чувствует и воспринимает, но и мыслит, рассуждает: задает вопросы, выслушивает ответы, сознательно относится к окружающим. В это время пробуждаются у него физические и духовные силы, и родителям надлежит усугубить свое внимание, чтобы силы эти получили правильное и христианское направление. В этот период, конечно, грех еще больше может коснуться ребенка и заронить свое семя в его ум или сердце, лишив их прежней чистоты и святости.

Первыми пробуждаются потребности тела. Организм ребенка растет и развивается, вследствие этого требует хорошего питания, а вместе и движения: ребенок часто просит есть и постоянно бывает в деятельности, в движении. На это и нужно прежде всего обратить внимание родителям и воспитателям.

При питании необходимо наблюдать за тем, чтобы, заботясь о здоровье ребенка, не развить в нем сластолюбия и плотоугодия.

Если ребенок не научится от родителей отказывать себе в прихотях и как бы властвовать над телом, то плотоугодие в юношеских годах поведет его ко всяким излишествам, а потом и к плотским грехам, ибо и в них человек ищет услаждения плоти.

Теперь нередко приходится видеть детей, страдающих уже ожирением — от чрезмерного питания. Поэтому и врачи советуют: 1) давать пищу простую и здоровую, сообразно с возрастом ребенка, 2) делать это в определенный час, по разумно заведенному порядку, от которого и не отступать без нужды. Так дитя приучится отказывать себе в своих желаниях и на время побороть их.

Где кормят дитя всякий раз, как оно запросит, там расслабляют его волю. Но лучшим средством к погашению сластолюбия служит и для детей пост. Неблагоразумно отказывать им в посильном посте в то время, когда они и сами начинают понимать назначение поста. Дети святых родителей постились с колыбели, и это только укрепляло их здоровье.

Мы знаем случаи, когда в благочестивых семействах дети сами отказывались от скоромной пищи в пост, плакали, когда их убеждали родители, и в оправдание такого своего непослушания говорили, что за скоромное в пост их Бог накажет. Очевидно, дети эти раньше слышали о посте от своих родителей и слышанное запечатлели в своем сердце.

Такого соблазна допускать не следует. Родители, позволяющие детям пить вино за столом, безусловно причиняют им глубокий духовный вред: так выходят и алкоголики, по крайней мере среди простого народа. Ни детей, еще лучше и себя при детях угощать не следует. Святые отцы говорили, что даже и юность не должна обонять вина. Это подтверждает и медицина. Мы не берем здесь тех случаев, когда вино является дозволенным в качестве лекарства.

Относительно движения и резвости ребенка тоже нужно следить за тем, чтобы не было крайностей: иной ребенок бывает чересчур уже резв, рассеян и шаловлив; другой, наоборот, — вял, неподвижен и ленив. Воля родителей должна запечатлевать каждый их шаг: пусть дитя резвится, но так, в то время и в том месте, где укажут родители; без этого у ребенка разовьется своеволие и непослушание. Детское непослушание, вовремя не исправленное, переходит обычно в дерзость и своеволие юношеское, от которого плачут уже сами родители: так от одной спички, вовремя не потушенной, может случиться пожар. Поэтому со своеволием ребенка нужно бороться безотлагательно и настойчиво, не давать ему и пищи, заранее в главном

распределяя день ребенка. У внимательных и разумных родителей дети растут в разумном послушании; а кто слушался сам, сумеет впоследствии привести к послушанию и других, т.е. будет человеком с твердой волей.

Давая правильное направление телесным силам ребенка, о том же следует позаботиться и при развитии сил душевных. Тут предстоит родителям еще более важная задача: воспитать в христианском духе ум, волю и сердце ребенка, иначе говоря, воспитать всего будущего человека.

От того или другого направления этого воспитания будет зависеть вся дальнейшая его жизнь как христианина, будет зависеть и спасение его души. Отметила это и народная мудрость: «каков в колыбельку, — говорит она, — таков и в могилку», «горбатого только могила исправит».

Развивая ум, ребенку необходимо прежде всего сообщить здравые христианские понятия о Боге, о людях и жизни. Религиозность у детей бывает как бы врожденной чертой: они инстинктивно чувствуют стремление к Богу, стараются любить Бога и слушаться Его — поступать по Его воле; конечно, это — плод благодати крещения. Поэтому от природы и нет нерелигиозных детей. «Их создают люди, создает неправильное воспитание, не считающееся ни с запросами веры, ни с психологией ребенка. Обычно же даже нравственно заброшенные, но предоставленные самим себе дети настойчиво ищут удовлетворения религиозному чувству. Если это требование детской природы не удовлетворяется прямым путем, оно находит себе выражение порой в странной форме. Один из героев Горького, мальчик Яков, устроил, например, себе моленную в дупле дерева, расширив в дереве помещение и поставив туда образок с зажженной пред ним свечой. Яков приходил сюда по ночам молиться. “Днем мою молитву не слышно, а ночью-то уж будет слышно”, — так объяснял Яков свой поступок»².

Трогательная повесть «История детской души», изданная К.П.Победоносцевым, в ярких, потрясающих душу красках изображает нам муки ребенка, которого родители искусственно воспитали в неверии. Ребенок не вынес душевной муки и сам ушел к Неведомому Богу.

Вот, например, его молитва к этому Богу пред трагическим концом:

«Всемогущий Атом! Я хочу молиться, хотя я еще никогда не молился и не знаю, как молятся другие... Может быть, ты не можешь слышать меня... но все же я чувствую, что есть кто-то, кому я должен высказать себя... О, милый Атом! А если в конце концов откроется, что ты вовсе не Атом, а Бог, Бог живой, добрый, любящий, сострадательный ко всем бедным людям, которых сотворил, — тогда ты и меня пожалеешь... ты поймешь, отчего я иду искать тебя... ведь я не виновен в том, что мне жить здесь так страшно, что я так хочу знать, есть ли что лучше этого мира, в котором мы никогда не можем сберечь то, что мы любим, где все подлежит смерти и забвению... О, если ты — Бог, я знаю, тебе будет жаль меня!

Я всегда так хотел верить в тебя как в Бога и так бы любил тебя, если бы они не запрещали...

В эту минуту — не знаю почему — я чувствую, что Ты должен быть Бог.. Бог Благий, Вечный, Живой... Ты будешь милостив ко мне, и меня Ты возьмешь прямо к Себе, как взял маленькую Жесмину. И если я сделал что дурное, — мне думается, что Ты простишь; Ты ведь знаешь, что меня учили не веровать в Тебя. Бедные те люди, которые доказывают, что Ты не имеешь бытия: что-то они почувствуют, когда им придется умирать? Простишь ли Ты им тогда все зло, содеянное ими другим? Потому что не я же один, а многие, многие страдают, и плачут, и томятся от слов их... Итак, не к Атому, а к Богу вознесу я теперь свою первую и последнюю молитву с земли: Господи, не оставь мою маму! Когда я приду к Тебе, укажи мне, как мне беречь ее... Если ничто созданное Тобою не погибает, Ты възвещешь меня, и я найду Тебя... Жить так страшно, а к Тебе идти мне не страшно, Господи!»³.

Так погиб прелестный милый ребенок. Пусть эта глубоко правдивая повесть потрясет и вразумит тех, которые думают воспитывать своих детей вне религии.

Мы говорили, что дети по природе религиозны. Действительно, религиозные истины ребенок усваивает скоро и легко, и они становятся как бы сродными его духу.

В древности, например, во время гонений, малые дети рассуждали о Боге-Спасителе, о безумии идолопоклонства, о будущей жизни и проч. Что дитя иногда бывает премудрее философов, это показывает и опыт.

От родителей, а не от законоучителя должно получить дитя первое религиозное наставление; у родителей, а не в школе должно оно научиться молитве и основным истинам нашей веры.

Пусть мать говорить своим малюткам об Отце Небесном, Который любит детей, о блаженной жизни в раю, о грехопадении, о Спасителе мира, о Пречистой Деве Марии и святых угодниках Божиих. Божественная истина будет питать детский ум и создавать христианское мировоззрение. Если далее не давать детям книг с растленными понятиями, то ум их может сохраниться здоровым и целым на всю жизнь.

Ребенок всем интересуется и обо всем расспрашивает; здесь полезно отучить его от бесцельной пытливости и разбрасывания. Пусть ребенок интересуется тем, что имеет отношение к нему и к окружающей его жизни. Далее, пусть не спешит перебежать от одного предмета к другому, а пусть усваивает каждый основательно. Такой прием очень важен в развитии характера ребенка: он приучит его к вдумчивости и основательности, предохранит от рассеянности и мечтательности.

С умом нужно развивать и волю ребенка. По природе дети добры, но не могут достаточно отличать добро от зла, полезное от вредного; нужно и помочь им в этом. Для этого следует добиться, чтобы со всяким своим желанием дети обращались к родителям, спрашивая их, можно ли это сделать и как сделать. Расположить к этому детей нетрудно, нужно только на примерах показать им, как опасно бывает, не спросив, что-нибудь делать. Конечно, родители первые должны им подать пример в добрых делах, а дети любят подражать старшим: и ребенок может помогать бедным, делиться с неимущим, утешать по-своему печальных, прощать обиды и т.п. И выйдет тогда воля с расположением к добрым делам.

По природе, опять, у ребенка и сердце доброе. Он улыбкой отвечает на всякую ласку, быстро забывает личное огорчение и обиду, вообще чужд бывает самолюбия взрослых. Нужно далее развить эти чувства и следить за тем, чтобы не поселились в детях гордость, зависть, злоба и каприз. Кроме примера родителей, лучшим средством к развитию добрых и святых чувств служит опять храм. «Не знаем, где мы были — на небе или на земле», — говорили о православном богослужении наши взрослые предки-язычники. На детей богослужение должно производить еще большее впечатление. И пусть их взор услаждается в храме божественной красотой, слух пленяется небесными звуками, а восторженное сердце славит Премудрого Бога. Как знать, может быть, это будут единственные светлые воспоминания во всю их последующую жизнь. Невыразимо тяжело бывает встречать молодых людей, не чувствующих поэзии даже пасхальной службы: «Их не приучили к тому в детстве», — слышишь в ответ.

Вот, в общих чертах, мы и обрисовали тот уклад жизни, который должны дать родители своему ребенку в первый, младенческий период его жизни. Пусть же они помнят, что зло может приражаться к ребенку с самой колыбели — сначала меньше, а потом больше; пусть борются с ним неустанно и благодатными средствами, и личным благоразумием, сами в себе подавая детям пример доброй христианской жизни. Пример — великое дело.

И если он будет плохой или родители вообще проявят небрежение, то грех завладеет душой ребенка, загрязнит ее и омрачит. К 7-ми годам, когда грехи начинают вменяться и Церковью,

можно встретить детей, духовно уже развращенных, с задатками всех главных страстей. Уже в 7 лет многие бывают сластолюбивы и плотоугодливы, а это почти то же, что у взрослого всякие излишества и плотские грехи. Уже в 7 лет многие бывают дерзки и непослушны, самолюбивы и горды, ленивы к молитве и храму Божию; а это почти то же, что у взрослого маловерие, неверие, гордость и злоба. Поэтому многие известные педагоги утверждают, что воспитание, собственно, уже и заканчивается на 8—10-м году, и что ребенок не приобрел до этого, того он не приобретет и во всю свою остальную жизнь.

Та благочестивая атмосфера, которая должна окружать колыбель ребенка, весьма симпатично изображена нашим писателем Тургеневым в его романе «Дворянское гнездо» (воспитание Лизы Калитиной); причем тут главное место занимает даже и не мать, а няня Агафья; но эта няня вполне заменила Лизе родную мать по сердечной привязанности к ней и доброму влиянию. Таким лицам, конечно, можно поручать воспитание ребенка. Считаю нелишним привести это описание.

Агафью, читаем в романе, приставили няней к Лизе, когда ей только что пошел пятый год. «Лизу сперва испугало серьезное и строгое лицо новой няни, но потом она скоро привыкла к ней и крепко полюбила. Она сама была серьезный ребенок. В куклы она не любила играть, смеялась негромко и недолго, держалась чинно. Агафья с ней не расставалась.

Бывало, Агафья, вся в черном, с темным платком на голове, с похудевшим, как воск прозрачным лицом, сидит прямо и вяжет чулок. У ног ее на маленьком креслице сидит Лиза и тоже трудится над какой-нибудь работой или, важно подняв светлые глаза, слушает, что рассказывает ей Агафья. А Агафья рассказывает ей не сказки: мерным и ровным голосом рассказывает она житие Пречистой Девы, житие отшельников, угодников Божиих, святых мучеников. Говорит она Лизе, как жили святые в пустынях, как спасались, голод терпели и нужду и царей не боялись, Христа исповедовали, как им птицы небесные корм носили и звери их слушались. Агафья говорила с Лизой важно и смиренно, точно она сама чувствовала, что не ей бы произносить такие высокие и святые слова. Лиза ее слушала — и образ вездесущего Бога с какою-то сладкой силой втеснялся в ее душу, наполнял ее чистым благоговейным страхом, а Христос ей становился чем-то близким, чуть не родным».

Агафья и молиться ее выучила. Иногда она будила Лизу на заре, торопливо ее одевала и уводила тайком к заутрене.

«Холод и полусвет утра, свежесть и пустота церкви, самая таинственность этих отлучек и осторожное возвращение в дом в постельку — потрясали девочку, проникали в самую глубь ее существа.

Года три с небольшим ходила Агафья за Лизой, девица Моро ее сменила. Но легкомысленная француженка не могла вытеснить из сердца Лизы ее любимую няню: посеянные семена пустили слишком глубокие корни».

И когда уже Агафьи не было в доме, «Лиза по-прежнему шла к обедне как на праздник, молилась с наслаждением, с каким-то сдержанным и стыдливым порывом.

Вся проникнутая чувством долга, боязнию оскорбить кого бы то ни было, с сердцем добрым и кротким, она любила всех и никого в особенности; она любила одного Бога восторженно, робко, нежно»⁴.

Таков светлый образ Лизы и ее бесхитростной воспитательницы, такова благодатная атмосфера, окружавшая Лизу в детстве.

II. Христианское воспитание в школьный период

После младенческого периода наступает школьный период в воспитании ребенка. Но мы уже говорили, что на школу, в смысле христианского воспитания, больших надежд возлагать нельзя: во-первых, в школе масса учеников, а массу воспитывать всегда трудно; тут нельзя бывает принимать во внимание личных особенностей каждого ученика; действительное же воспитание должно бы это делать и влиять на каждого сообразно с его характером.

Во-вторых, ко времени поступления в школу характер ребенка достаточно уже сложился под влиянием того или другого воспитания в семье, до школы.

Мы скажем больше: современная школа, при нескольких сотнях учащихся, притом детей разного положения, воспитания и настроения, среди которых немало бывает и плохих, могущих дурно влиять на товарищей, — современная школа в смысле христианского воспитания может представлять не совсем благоприятную среду. Поэтому наблюдение родителей и в школьный период не только не устраняется, а и усугубляется. Пусть по-прежнему следят они за христианским развитием ума, сердца и воли своих детей, пусть внушают им, что чистота жизни и добродетель неизмеримо выше всякой научности и успехов в ней, что все науки, кроме закона Божия, имеют значение только временное, для потребностей земной жизни, и что, наконец, одни голые знания, без религии и доброты сердца, могут принести даже вред человеку.

По-прежнему должны следить родители и за обнаружением страстей у детей. Если они следили за этим раньше, то уследят и теперь и предохранят от них детей. Лучшими средствами к утверждению благочестия опять будут молитва, посещение храма Божия, причащение Святых Христовых Тайн.

Но к ним прибавятся теперь и другие, сообразно с большим возрастом детей. Так, в этом возрасте мы особенно настаиваем на чтении духовных книг: Евангелия, житий святых, назидательных повестей и рассказов, — тем более что теперь у нас есть такие прекрасные духовные журналы, как «Отдых христианина», «Воскресный благовест», «Путь жизни», «Трезвые всходы», «Русский паломник», «Странник» и др., которые положительно могут пленить детскую душу. Да не только детскую, а и взрослых. Весьма прискорбно, что интеллигенция наша не знает этих журналов. Между тем без духовного чтения душа не будет возрастать и развиваться правильно, как и тело без питания, не будет крепнуть и вера у детей, расслабляемая в школе, особенно высшей, всякой отрицательной литературой, общением с неверующими людьми и недоумениями собственного разума. В отсутствии духовного чтения мы видим одну из причин распространяющегося теперь неверия: не верят потому, что не знают религии, а не знают потому, что не интересуются, не хотят узнать.

Другим важным средством к христианскому воспитанию юношества служит говенье и исповедь. Что такое исповедь, как не беспристрастная проверка всего настроения и направления юноши с точки зрения Божественной правды! И кто в этот момент пастырь, как не тот же воспитатель, только с божественными полномочиями вязать и решить! Таинство Исповеди — это великое благодеяние Божие к грешным людям, это момент прощения виновного человека, момент его восстания и оправдания при искреннем раскаянии.

Доброго пастыря благодать Божия делает великим по влиянию на молодые души, приступающие к Таинству Исповеди с верой. А большинство неиспорченных в корне юношей и девиц бывает именно такого настроения. Многие из них готовятся к причащению, как истые подвижники.

У Засодимского есть характерный рассказ, как говел один 14-летний мальчик-гимназист: «Это не было обычное, шаблонное говенье, по привычке или обязанности. Попов почти ничего

не ел, питался только чаем да похлебкой, сделался молчалив, серьезен, стал сторониться обычных игр и забав, по целым часам читал Евангелие, не спал ночей, над чем-то глубоко и сосредоточенно думал. В четверг на Страстной неделе он собрал в зал всех живших в пансионе гимназистов и, взволнованный и бледный, говорил им о Христе и жизни по Евангелию, звал к любви и единению, к взаимной поддержке, к покаянию в грехах и исправлению жизни». (Отдых христианина. 1909г., №12, стр.111 (перифраз)).

Слава Богу, такие примеры нередки и теперь. От любимого, доступного и внимательного духовника дети не скроют своих недоумений и сомнений, а может быть, и ран душевных. И духовник при помощи благодати скорее и лучше всяких учителей сумеет разъяснить недоумения, успокоить мятущуюся душу, уврачевать душевные раны. Чистосердечная исповедь у духовника и затем причащение Святых Христовых Тайн могут произвести благодетельный перелом и в душе порочного юноши.

Счастлива та школа, которая имеет законоучителем доброго пастыря, счастливы и те родители, которые нашли для своих детей достойных духовных руководителей. Конечно, исповедь и детей должна быть единоличной, исповедовать по несколько человек вместе — бесполезно и может повести даже к соблазну.

Некоторые ревностные пастыри и так делают: детей, интересующихся вопросами духовной жизни, призывают к себе на дом для беседы. Такие беседы, может быть, спасут и утвердят в вере не один десяток колеблющихся и сомневающих. О таких пастырях их бывшие питомцы всегда вспоминают с благодарностью и признательностью.

Таковы положительные созидательные средства в юношеском возрасте. Это опять добрая домашняя обстановка, чтение духовных книг, достоуважаемая исповедь с причащением и беседы с духовным отцом, особенно когда есть недоумения и вопросы.

Само собой разумеется, созидая одной рукой, нельзя разрушать другой, и, дорожа христианской настроенностью, нельзя легкомысленно отдаваться обычному течению мирской жизни: свирепы волны житейского моря, и при оплошности кормчего опрокинут они утлую ладью. Христианам и заповедано «не любить мира, ни того, что в мире» ([1Ин.2:15](#)), поэтому в отношении мирской жизни должно быть соблюдаемо следующее общее правило: пользуйся добрым, но избегай всего, что наводит тебя на грех, что грязнит твоё воображение, расслабляет волю, вредит чистоте сердца; прельщениям греха не верь, ибо где грех, там нет счастья, нет и жизни, так как в самом грехе сокрыта некая губительная и мертвящая сила; только сила эта прикрывается своеобразной и на вид привлекательной мишурой; иначе грех никого бы и не прельстил из христиан.

Высказав общее правило об отношении христианина к мирской жизни, укажем все-таки и главные искушения, с которыми неизбежно придется считаться детям в юношеском возрасте.

Первое искушение — театр. Театр, как и всякое другое искусство, например поэзия, живопись и отчасти музыка, может служить и добру, и злу. Все зависит от предмета, который изображается в искусстве. Например, картина Мадонны при взгляде на нее всегда способна настроить человека вдумчиво и высоко; наоборот, картина с соблазнительным содержанием будет действовать развращающе. Так же может действовать и литература, и театр. Чисто христианского театра мы не имеем, современный же театр есть полное и совершенное отображение мирской, греховной жизни, которую заповедано христианам не любить. Поэтому-то большинство театральных пьес так неназидательны и соблазнительны, поэтому-то, далее, и мало у нас высоких, классических вещей, и ставятся они редко, и публика до них неохотлива*.

Конечно, не стоит возбранять юноше-христианину пойти на пьесы со строгим христианским содержанием, как, например, «Камо грядеши» Сенкевича, «Царь Феодор Иоаннович» из трилогии А.Толстого, «Идиот» по роману Достоевского, или на оперы

«Рогнеда», «Князь Игорь», «Жизнь за царя» и др., где, помимо христианского сюжета, и пение мало отличается от древних христианских мелодий. Но современные драмы, трагедии и комедии с произведениями Андреева, Горького и Арцыбашева включительно никакого другого влияния, кроме развращающего, иметь не могут. Чистый юноша-христианин и сам не пойдет на такие вещи. Во всяком случае, удержать его будет нетрудно. И вообще, часто ходить в театр он не будет, ибо скоро на себе заметит, что театр всей своей обстановкой, даже и при добрых пьесах, рассеивает как-то человека, расслабляет волю и портит целостное настроение.

Высказываясь так о театре вообще, мы решительно против посещения его 12—14 и 15-летними детьми. Всякий театр — и содержанием пьесы, и декорациями, и всей обстановкой — производит очень сложное и сильное впечатление: нежная же детская душа требует впечатлений более простых и менее сильных. Поэтому детские врачи и психиатры запрещают театр для детей этого возраста, ибо своими сильными впечатлениями он развивает нервозность и на здоровье детей действует разрушительно. Тут и добрые вещи не пойдут впрок, не говорим уже о вещах соблазнительных: всякой вещи — свое время.

Второе искушение — танцевальные вечера. О пользе танцев говорить затрудняемся: мы, скорее, согласились бы говорить о пользе гимнастики и рекомендовать ее всякому юноше и девице как средство, укрепляющее силы и характер, заменяющее отчасти и физический труд, необходимый каждому человеку для правильного его развития.

Танцы, опять, — мирское времяпрепровождение. Может быть, для детей 15—17 лет они сравнительно и безвредны, особенно в домашней скромной обстановке, но для взрослых юношей танцы небезразличны: они могут вести к нецеломудренным мыслям и настроению, вообще вредить чистоте души и тела.

Нам могут возразить: «чистому — все чисто», — т.е. можно и взрослым относиться к танцам без всякой предвзятой мысли — попросту, по-детски. Против этого спорить не будем, но заметим, что чистых теперь совсем мало: очевидно, ни театр, ни танцы этому не поспособствовали. И наоборот, «нечистому все нечисто» (см. [Тит.1:15](#)).

Как отнесется к танцам и другим подобным развлечениям юноша строго христианского настроения? Вероятно, с недоверием: смутят его и некоторые бальные наряды, тоже мало поучающие целомудрию, и некоторые фигуры танцев, — и скоро на этих вечерах бывать он не будет. Конечно, танцевальные вечера под праздники — явление языческое, совершенно недопустимое с христианской точки зрения.

И самый вопрос о сближении молодежи и взаимном добром влиянии юношей и девиц — довольно сложный и обоюдоострый. Молодые люди естественно чувствуют симпатии, интересуются друг другом и ищут общения: дурного в этом может и не быть. Целомудренные юноша и девица, с чистым, неразвращенным воображением, всегда бывают строги к себе, скромны, застенчивы и идеально настроены. Собственная нравственная добропорядочность предохранит их от всякого, даже малейшего неблагородства, не позволит проводить время в праздности, пошлом ухаживании и т.п., ибо у каждого из них будет и свой серьезный труд, которым он будет занят, — разумею учение, а при этом, может быть, и заботу о поддержке бедных родителей. Такие серьезные молодые люди часто видеться не будут, а это и нормально, и полезно.

При неосторожном и частом общении для молодежи может быть и опасность: во-первых, частое общение приучает к рассеянности; во-вторых, вредит чистоте души, вызывая мечтания, дурные мысли и желания.

До дурных сознательно вызываемых и питаемых мыслей ни юноша-христианин, ни, тем более, девица, доходить не должны, — ибо грех, даже в мыслях допускаемый, действует на душу убийственно и мрачно.

В разбираемый нами момент детской жизни или даже несколько ранее полезно было бы самим родителям или воспитателям осторожно раскрыть детям обратную и греховную сторону жизни, ибо рано или поздно, а им придется с ней встретиться. Пусть уж лучше из неложных уст узнают они грех в его истинном свете, без прикрас, с указанием всех тяжелых нравственных и физических последствий. Таким путем в связи с доброй домашней обстановкой можно будет оградить душу их от искушений и падений.

Падение для юноши или девицы безусловно нужно считать величайшим несчастьем, целой внутренней катастрофой, следы от которой останутся на всю жизнь. Это, можно сказать, первая похоронная песня, которую сам поет себе и своему здоровому, целостному настроению юноша или девица. И когда же? При самом еще начале действительной жизни.

По печальным последствиям для христианской настроенности падение поистине бывает ужасно: благодать тогда — может быть, в первый еще раз в жизни — отходит от человека, и чувствует он, несчастный, что потерял что-то дорогое и бесценное. Куда-то денется тогда мир и ясность души — сердечность и искренность, непритворная жизнерадостность? Отходит из сердца Христос, Источник вечной жизни и радости, и поселяется в нем злая страсть — обольщающая, мучающая и терзающая человека. Тогда особенно сильно развивается и неверие, ибо что такое неверие, как не блуждание души, утерявшей свет Христов? При чистой жизни и при смирении помыслы неверия не страшны и скоро проходят от молитвы, от чтения, от духовных бесед. При порочной же жизни — опасны и трудноразрешимы: всякая страсть, а особенно плотские грехи и гордость непроницаемым туманом заволакивают духовные очи человека и скрывают от него свет истины. Потому-то Христос настойчиво и предостерегал от падений, запрещая даже мысленный грех ([Мф.5:28](#)). То же неустанно проповедовали и апостолы: «Кто растлит храм Божий, — пишет апостол Павел христианам, — того покарает Сам Бог, ибо храм Божий должен быть свят, и этот храм — вы» (см. [1Кор.3:17](#)).

Больше всего подвигает к разврату рассеянная и веселая жизнь, конечно — пьянство и чтение растлевающей, порнографической литературы.

О вреде рассеянной жизни характерно говорит еп.Феофан: «Ничем нельзя, — читаем у него, — лучше заморить добрых семян, положенных прежде в сердце юноши, как развлечениями, легким чтением и мечтами. Молодой цвет, посаженный на таком месте, где со всех сторон дуют на него ветры, — немного потерпит и засохнет; трава, по которой часто ходят, не растет. То же бывает с сердцем и добрыми в нем расположениями, если предаться мечтам, или пустому чтению, или развлечениям... Оттого, возвратившись после какого-нибудь рассеяния, душа наша тоскует. Рассеянный сделал свою душу большой дорогой, по которой чрез воображение, как тени, проходят соблазнительные предметы и манят за собой душу. Пользуясь этим, подходит к душе враг, похищает доброе семя и полагает злое»⁵.

Особенно вредно отражается на душе чтение порнографической литературы. Она так же одуряет душу, как вредные испарения земли одуряют голову человека. Яркое изображение низменных страстей и всей грязной обстановки действует на нервного и впечатлительного человека как сильное внушение — и это даже тогда, когда он сам, может быть, и не хотел бы проникаться и услаждаться постыдными образами. Но большинство, как известно, и читает с той целью, чтобы самому себе рисовать все те сцены и самому переживать нечто, подобное тому, что переживают изображаемые герои. Такие люди сами ищут себе страдания и гибели, сами топят себя — ибо грех только прельщает и губит.

Поэтому, сколько есть сил, родители должны удерживать своих детей от развлечений, чтения соблазнительных книг и мечтаний. Они должны добиться того, чтобы дети сами боялись развращения и падения как самого ужасного и непоправимого несчастья, которое только может быть у них в жизни. В самом деле, и богатство, и славу, и здоровье можно приобрести снова;

нельзя только приобрести во второй раз невинности и чистоты, ибо это дается человеку однажды.

Дальнейшие следствия развратной жизни таковы: огрубение души и сердца, крайнее развитие эгоизма, недовольство своим положением; еще далее — дерзновенное отрицание всего, разочарование в жизни и, может быть, печальная развязка. Так грех, обманом и приманками завлекая в свои сети человека, как паук, опутывает его своими тенетами и доводит до отчаяния и смерти, если бедный человек вовремя не остановится. Много нужно пролить слез прежде, чем загладит он свой грех и вернет опять Христа к себе в душу.

Если так пагубен разврат, то зато благословен честный брак. Этот, наоборот, не повреждает целостности натуры человека и его христианского настроения и может быть действительно школой спасения при благочестивом настроении членов семьи.

С указанных трех сторон — со стороны рассеянной жизни, развращенной литературы и общения с другим полом — и могут быть у подростка-христианина искушения. От них и следует оградить его и родителям, и школе, причем пусть сам ограждаемый поймет, для чего и от чего его ограждают. Если он поймет, то и сам будет ограждать себя не меньше родителей: в этом ему поможет благодать, так как Христос всегда близок к детским невинным сердцам.

Счастливы те родители, у которых дети до школы росли христианами; еще счастливее те, которые увидели их христианами и в опасном юношеском возрасте. Пусть они считают это незаслуженной к себе милостью Божией, лучшей наградой за все понесенные труды и скорби по воспитанию. Завидны такие добрые семьи, и великая благодать почивает на них!

Теперь мы указали в главном тот путь, по которому должно идти христианское воспитание детей, указали те главные препятствия, которые могут при этом встретиться, указали и главные способы, как побеждать их.

От этих предубеждений и скрытых в них добрых пожеланий мысль наша невольно обращается к наличной действительности и невольно приковывается к ней. Увы, печальна и безотраднa эта действительность! Гибнет наша молодежь в расцвете лет, грех развращает детей чуть не с колыбели. Плачем и стоном наполнилась наша земля, ибо в редкой семье нет теперь своего горя. И сбывается на нас слово Писания: «Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет» ([Мф.2:18](#)), — нет тех милых, чистых и непорочных, которых она ласкала в детстве: их от нее взяли, их подменили другими. Плачет она и не хочет утешиться.

Да, безгранично велика материнская скорбь! Но пусть и она не доходит до отчаяния, ибо не все еще потеряно.

У матери есть великая сила, с которой не может сравниться никакая земная сила: это — ее скорбная молитва за детей.

История христианской Церкви сохранила нам примеры, как молитва матери спасала и делала даже святыми прежде совсем погибавших в греховной жизни детей. Такова, например, была Моника, мать блаженного Августина. Здесь к месту будет припомнить великий подвиг ее жизни.

Желая видеть в своем сыне истинного христианина, она ни на шаг не оставляла его без своего внимания и слезно молилась о нем Богу. А он — даровитый и талантливый, — увлекаемый языческой жизнью, предавался страстям и изменял истинному евангельскому учению. То пленялся он древней философией, то увлекался разными ересями. Наконец, после долгих лет подобной жизни как бы изжил свою душу, устал любить и падать и пришел к полному разочарованию. Гибель грозила Августину. Но в тот день, когда сын ее стоял уже как бы на краю пропасти, Моника с таким скорбным воплем обратилась к Богу, что и Он, Всемогущий, не мог отказать ей, не мог не откликнуться: и «из грешного Августина Он сделал святого Августина, а мать умерла в радостях этого духовного рождения, как умирают другие

женщины в муках рождения земного, проведя 25 лет жизни в спасении сына, в слезах и испытаниях»⁶.

Да, велика сила материнской молитвы! И Христос, во время земной Своей жизни, не мог не внимать ей или противостоять этой силе и возвращал матерям их уже мертвых и телом детей.

Поэтому пусть мужаются и не унывают бедные матери! Ибо кто может знать и постигнуть бесконечную любовь Божию? Если мать не успела спасти своего ребенка здесь, на земле, и он умер в грехах, то, может быть, своими воплями к Богу она спасет его на небе и там встретит его убежденным и очищенным от грехов, по милости Божией? О, возрадуется тогда ее печальное сердце, и великая скорбь сменится бесконечной радостью!

Примечания

Еп.Феофан, «Путь ко спасению», стр.30, изд.1886 г.

Отдых христианина. 1909г., №12, стр.110.

История детской души. Изд. К.П.Победоносцева, стр.219—221 (в сокращении).

И.С.Тургенев. Т.3, стр.306—308 (в сокращении), изд.1898 г.

«Путь ко спасению», стр.61—62. О том, как христианину отдыхать и чем наполнять свой досуг, см. другую нашу брошюру «В труде — жизнь».

См. «Отдых христианина», 1909г., №6, стр.107—109.

*

В наше время подобное предостережение в гораздо большей степени следует отнести к телевидению и видеофильмам — по своему влиянию на душу людей многократно превосходящим дореволюционный театр. — Ред.